

**Министерство культуры Иркутской области
Иркутская областная детская библиотека им. Марка Сергеева**

Сибирь в моём сердце

Стихи Марка Сергеева о Сибири

**Иркутск
2026**

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева

Составитель *Н. Т. Шпак*

Редактор *С. А. Бурдинская*

Ответственный за выпуск *Я. Ю. Гавриш*

Сибирь в моем сердце : стихи Марка Сергеева о Сибири / /
составитель Т. Н. Шпак ; редактор С. А. Бурдинская. – Иркутск :
Издание Иркутской областной детской библиотеки им. Марка
Сергеева, 2026. – 84 с.

*В 2026 году исполнилось 100 лет со дня рождения иркутского
писателя, поэта Марка Давидовича Сергеева.*

*В сборник вошли стихи иркутского поэта о Сибири, Байкале,
родном Иркутске и природе Приангарья, созданные в разные годы.
Лирика Марка Сергеева пронизана глубоким чувством любви к родному
краю. В его строках оживают могучая сибирская природа,
самобытный облик Иркутска и величие Байкала.*

*Издание состоит из пяти разделов: «Стихи о Сибири», «Времена
года», «Стихи об Иркутске», «Стихотворения о природе для детей» и
«Стихи о Байкале». Это издание – своеобразный поэтический
путеводитель по любимому краю большого сибирского мастера.
Сборник адресован широкому кругу читателей – от ценителей
классической русской поэзии до юных любителей литературы.*

Предисловие

Сибирь... Само это слово звучит мощно и раздольно. Для всего мира это край необъятных просторов, вековой тайги и суровых зим, но для тех, кто здесь живет, Сибирь – это нечто гораздо большее. Это состояние души, особый ритм сердца и нестигаемый характер. Это земля, которая не терпит суеты, но щедро одаривает тех, кто прикипел к ней всем своим существом.

У каждого из нас есть своя малая родина, то место, где человек родился и вырос. Наша с вами малая родина – это сибирский город Иркутск, который находится на могучей, великой, русской реке Ангаре. Наш край славится своей красивой, богатой природой и чудом природы – озером Байкал.

Мой друг, что может быть милей

Бесценного родного края?

Там, солнце кажется светлей.

Там радостней весна золотая,

Прохладной лёгкий ветерок,

Леса и травы зеленее,

Там сладостней звучит поток

И соловей поет нежнее!

(Н. М. Языков)

В 2026 году Иркутск и вся Иркутская область отмечают знаменательную дату – столетие со дня рождения писателя Марка Давидовича Сергеева (Гантваргера). Этот виднейший деятель культуры оставил неизгладимый след в литературе и общественной жизни, став настоящим символом Приангарья. Его многогранный талант проявился в самых разных жанрах.

Для детей Марк Сергеев создавал волшебные сказки и повести, а также звонкие стихи, наполненные добротой и мудростью. Для взрослой аудитории он писал пронзительные стихотворения, глубокие повествования-исследования, остроумные пьесы и актуальные публицистические статьи.

Марк Сергеев – сибиряк не по рождению, он родился в городе Енакиеве на Донбассе, но в 1939 году его семья переехала в Иркутск. Сибирь стала для него главной любовью и источником

вдохновения. В своих произведениях поэт постоянно возвращался к сибирским мотивам. В его творчестве сформировался яркий поэтический образ нашего края с его бесконечной тайгой, могучими реками и великолепным Байкалом.

Информационный сборник «Сибирь в моём сердце» содержит пять разделов: «Стихи о Сибири», цикл стихотворений «Времена года», «Стихи об Иркутске», «Стихотворения о природе для детей младшего школьного возраста» и «Стихи о Байкале». В них вошли поэтические произведения Марка Давидовича о Сибири, природе, городе Иркутске и Байкале, написанные в разные годы его творческой деятельности.

Читая эти стихи, мы узнаем знакомые с детства пейзажи и понимаем: чтобы по-настоящему прирасти к этой земле, необязательно родиться здесь. Достаточно однажды открыть ей своё сердце, как это сделал замечательный поэт Марк Сергеев.

Стихи о Сибири

Сибирь

Она была не только каторгой,
Не только лютою каргой.
Она была пунктирной картою
И неоткрытою тайгой.
Она была землей немереной,
Мечтой для тех, кто бос и наг,
И новой долей непроверенной
Для хлебопашцев и бродяг.
Она манила неизвестностью,
В снега упрятана по грудь,
И люди из обжитых местностей
В нелегкий уходили путь.
Шли в Зауралье, в Прибайкалье ли,
В кедрач врубались топором.
И вот за падыми, за далями
Вставал в распадке первый дом.
А рядом – на поляне крошечной,
Что у тайги отторжена, –
Зерно в сырую землю брошено,
Земля рождает, как жена.
И перед мужиками строгими
Лес отступает навсегда:
Дома становятся острогами,
И вырастают города.
Но, поклоняясь России-матери,
Что утвердилась здесь навек,
Шли дальше первооткрыватели
Туда, где не был человек.
Потом Сибирь вставала срубам
Среди колхозного села,
Заводов трубами и клубами,
Землею пахотной была,
Текла дорогами железными,

Вдевала реки в постромки
И разговаривала песнями,
И открывала тайники.
Уже – прославлена героями –
Звалась жемчужиной страны,
Уже в ней города построены
И реки в ней покорены.
Но, поклоняясь отчизне-матери,
Как повелось из века в век,
Шагают первооткрыватели
К вершинам неоткрытых рек,
Идут неторными дорогами
К алмазным россыпям нетроганным...
Таков уж русский человек!

Бывает час особенный в природе:
почти бела небес голубизна,
и ночь нейдет, и день все медлит вроде,
и на земле царят полутона.
И все вокруг покойно, чисто, цельно,
особой нежной прелести полно.
И лес, и море не живут отдельно –
все высшим смыслом объединено.

Бывает срок, когда уже отбродит
вторая, перезрелая, весна,
и жив огонь, и старость медлит вроде,
и на душе царят полутона.
И дальний свет – неяркий, запредельный,
и детство, что ушло давным-давно,
беда и радость не живут отдельно –
все высшим смыслом объединено.

И в сердце возникает – без нажима –
особое прозрачное тепло,

и кажется, что счастье достижимо:
открылись двери – и оно вошло.

В лесу близ деревни Урик

Этим соснам – лет по двести:
тридцать метров высотой.
Кто гулял на этом месте
в дни их юности святой?
Кто с ружьем бродил по лесу,
чутко крался вдоль полян,
просто так, для интересу,
иль азартом обуян?

Может, здесь, пред новолунием
проходя сквозь жидкий мрак,
Михаил Сергеич Лунин
торопил своих собак?
Говорил: «А ну-ка, дети,
отыщите волчий след!
Волки есть на белом свете,
волки есть, а страха нет.

Есть цари в своих берлогах,
есть сановный высший свет,
есть жандармы (слишком много!), –
волки – есть, а страха – нет».
И, вернувшись сизой ранью
и в избе затеплив свет,
он писал свои воззвания:
«Волки есть, а страха нет!»

Ветры северные дули,
шли над крышей облака,
и слова его и пули
били в цель наверняка.
И с улыбкой утром росным,

бросив за спину ружье,
он шагал под эти сосны —
думать вечное, свое.

В таежной глухомани, в тишине,
я от людской решил укрыться злобы,
и пряный дух, и полусвет чащобы
преддверьем рая показались мне.

...Вот ставит сеть старательный паук —
на ней росинки ниткою жемчужин,
вот дятел по сушине стук да стук,
чтобы жука добыть себе на ужин.

А сок травы и сладок, и горчит,
и тайны лес приоткрывает взору...
А может, дятел на меня стучит
незримому лесному прокурору?

Хрустит валежник, слышатся шаги.
Кого встречать мне: Гостя или Гостью?
Кто там идет? Друзья или враги?
С чем там идут? С надеждой иль со злостью?

Напрасный труд искать покой в лесу —
нет тишины в молчанье вековечном,
ведь я с собой весь белый свет несу
в своем полупустом мешке заплечном.

Как сторожа стоят деревья в ряд,
чертополохом поросли дороги,
но на куртинах не цветы горят,
а горести, надежны и тревоги.

Вот дерево

Вот дерево. Ему немало лет.

Быть может, двести. А быть может, триста.
А крона у него еще ветвиста,
и дупел нет,
и мертвых веток нет.
В бесшумных клетках притаились вьюги,
весенних рек разбойные шаги
и солнце, запрессованное туго
в коричневого камбия круги.
Летучих молний огненные слитки,
звериные невзгоды и дела
занесены в подробнейшие свитки,
запрятанные в глубине ствола.
Вот дерево. Ни зла, ни святотатства.
В нем честно все, открыто и умно.
О, сколько в нем накоплено богатства!
И сколько жажды жить заключено!
Но коль тебе в тайге придется туго,
под волчий вой,
под всхлипыванье сов,
тень и огонь оно протянет другу,
умрет, чтоб оказать тебе услугу,
светло и просто,
без красивых слов.

Глухарь

Снова сердце роняю я в снег,
все теряю тебя, все тоскую.
Дал же бог тебе силу такую,
что, как будто глухарь по весне,
слепну, глохну и все же – токую.
По зеленым палаткам тайги
страсть моя разливается гулко,
бьет по кронам призывная дробь.
Я пою.
Я не слышу. Шаги...

Так бесшумны его сапоги,
и в руках беспощадная «тулка»,
и в патронах надежная дробь...
Мушка медленно чертит хвою,
Я не слышу его.
Я – пою.

Давайте накроемся небом

Все залито сумраком синим.
Проклюнулись звезды во мгле.
Давайте костер отодвинем
и ляжем на теплой земле.
Давайте поделимся хлебом,
покурим без всяких помех,
давайте накроется небом,
которого хватит на всех.

Да здравствуют тихие речи,
а камни за пазухой – вон.
Давайте напьемся из речки,
чей слышится рокот и звон.
Что хвастаться нам ширпотребом?
Чем травы не норковый мех?
Давайте накроемся небом,
которого хватит на всех,
Луна уже звезды считает,
неплохо старушке помочь...
Тайгу оградила щитами
короткая летняя ночь.
И кедры колдуют над нами,
и в гнездышке зреет орех...
Давайте поделимся снами,
которых хватает на всех.

Пока не попали мы в сети

недобрых людей или зим,
еще проживем мы на свете
и небо в алмазах узрим.
Зачем в подозрение нелепом
друг в друге отыскивать грех?
Давайте укроемся небом,
которого хватит на всех.

Деревья к солнцу не благоволят

Деревья к солнцу не благоволят.
Когда жара и солнца слишком много,
деревья листьям отдают приказ
от солнечного лика отвернуться...
Но осенью,
когда скупее дни,
и тучи заарканивают солнце,
и кроны рвет тысячерукий ветер,
и дождь в стволы стучится головой,
о как деревья ловят каждый лучик
и каждый самый слабый звук вниманья,
как рады наималому мгновенью,
когда взаимность солнца им дарит!..
Ты тоже ждешь, пока сойдет жара?

Дожди – обильны и пространны –
в плену тяжелом держат лето.
А нынче солнце сквозь туманы
пробилось вдруг столбами света.
И вертикальны, и наклонны,
с непостижимым интересом,
они ощупывают склоны
байкальских гор, поросшим лесом.

И теплый свет их золотится,
в нем радость, волшебство и сила,

полупрозрачная жар-птица
в чашобу перья уронила.
Огонь небесный льется густо,
летит по низу и по верху,
и в травах, что мокры до хруста,
как тут не вспыхнуть фейерверку?
Мой дом лесной, как я, немолод,
в него не вдруг вернется лето.
Ну что б тебе явиться в холод
в накидке солнечного цвета?
Ну что б тебе, между делами,
в которых жизнь твоя вершится,
купить билет, взмахнут крылами
и принести перо жар-птицы?!

За майским сиянием гроз —
зигзаг прибайкальской погоды:
в июне ударил мороз,
на зорьке, и сжег огороды.

Так в нашем бывает краю:
мороз среди жаркого лета
поранил рябинку мою,
что нежно была разодета.

Он листьев обуглил края,
он ягоды смял до рожденья,
болеет рябинка моя,
прозрачная, как наважденье.

Внезапный студеный недуг,
зимы снежно-белая фаза.
Так сердце спалила мне вдруг
одна мимолетная фраза.

Иду за стихами в тайгу,
болотом бреду меж осоки –
здесь спрятаны славные строки,
да я их найти не могу.

Березок веселая стать.
Под ними – огни горицвета.
Здесь сказку запряжало лето,
скорей бы ее отыскать!

Куда-то спешат муравьи
своею заветной тропой.
О чем говорят меж собою? –
у них ведь сюжеты свои.

Легенды бормочет вода,
и, чтобы мне с ритма не сбиться,
кукушка, прехитрая птица,
ритмично считает года.

Грибов наберу я в бору
и ягод лиловую спелость,
за стол, чтобы елось и пелось,
веселых гостей соберу.

И ночью у теплой ольхи
костер прихотливо заплещет,
и нежная женщина скажет,
что все это были стихи.

Иней

Как лес белес! Но как красив, поди же! –
и небосвод – высок и пустотел.
Давай молчать и двигаться потише,

чтоб белый пух с дерев не облетел.
Весь мир прозрачен, серебристо-тонок,
все легким куржаком обнесено,
как будто мы увидели спросонок
не белый свет, а белое окно.
Оно из горизонта вырастает.
Но приложи горячую ладонь –
растает лес, и тишина растает,
и спрятанный в кристалликах огонь
померкнет. И тогда – подобно зонту –
сферический свернется небосвод,
и этот мир морозный к горизонту,
как будто к подоконнику, стечет.
Так наши дни сквозь глубину мороза
текут, необратимы и тихи,
когда свою ладонь положит проза
на инеем рожденные стихи.

Как золотятся пышноцветы!
Какое празднество земли!
И от планеты до планеты
летят ракетами шмели.
И мир покоен и покорен,
как будто замер на бегу.
И даже скромный марьин корень
украсил пышную тайгу.
Болота голубые поры
зеленых прячут лягушат,
и осы, словно метеоры,
перед глазами мельтешат.
И листья держат на ладошках
раскрытых звездочки жары.
Горят жарки на тонких ножках,
как раскаленные миры.

Как чувствует себя громада леса,
стоящая сейчас на трассе БАМ,
когда идет горячее железо
по травам, по цветам и по грибам?
Как сердце леса этого тревожно,
когда, впервые на его веку,
грохочет взрыв над тишиной таежной
и скалы обрываются в реку?
Прости, ромашка, и прости, опенок,
подвинься, лес, и трассе лечь позволь:
когда на свет рождается ребенок, -
его приход сопровождает боль.
Природа – нас самих первопричина,
как женщина ранима и нежна,
Как девочка, невеста и жена.
Строитель БАМа, если ты – Мужчина,
будь бережен...

Кипрей

Дождем укрыта поздняя заря,
что брезжит день, в лесном тумане преля,
но, красками рассветными горя,
по крутизне – сияние кипрея.

И пасмурность не пасмурность уже,
когда земля залита теплым светом...
Бог с ним, с несостоящимся рассветом:
восходит полдень у меня в душе.

Он зреет, не хвалясь приливом сил,
не хвастая страстей слепым накалом:
так триста рек, шумящих по Руси,
сливаясь, обращаются Байкалом.

Я становлюсь пристрастней и добрей.
Все уже круг друзей и откровений,
все глуше дождь, и все несносней тени.
Но в глубине души цветет кипрей.

Лайка

Не лай-ка, лайка.
Погоди,
дай мне передохнуть немного:
еще погоня и тревога
у нас с тобою впереди.
Еще мороз нас обожжет,
и в наст
вонзится след мой тонко,
и волк,
наряженный в ягненка,
дорогу нашу стережет.
Нельзя удачу торопить.
Сядь потихоньку к изголовью.
Тайга захочет нашей кровью
свой белый праздник окропить.
Как напряжен ты и толков,
мой пес,
и мне бы поучиться
копить рывок,
не горячиться,
когда охочусь на волков.

Леса! Как ваши руки зелены!

Леса. Иду к вам,
как слепой, – на шум,
все чаще в вашей чаще причащаюсь,
и в шелковой хвоинке умечаюсь,
и птичий гомон на плечах ношу.

Леса! Как ваши руки зелены,
какая теплота в них и прохлада,
и ничего вам объяснять не надо,
и вам слова и клятвы не нужны.
Сосновые заслышу голоса,
березовые песенки услышу —
и стану очарованней и выше,
и вдруг удач начнется полоса!

Лосята

Я помню день, когда легко и свято
веселый флаг рванулся в синеву, —
к нему бежали белые Лосята,
три острова, три каменные брата,
и белый снег, как первая утрата,
летел на прошлогоднюю траву.

Доверчивые каменные звери
обрадовались первому костру,
и облаков взъерошенные перья
на резкой грани веры и неверья,
на высоте открытья и потери,
над ними шевелились на ветру.

Я помню день, когда в сиянье мая
к ним человек привел свои дела,
и, собственный поступок понимая,
в бока живые вбил стальные сваи,
ломалась взрывом тишина святая,
и каменная кровь к воде текла.
Я помню день, когда неумолимо
вода вспухала в кромках берегов,
чтобы гудеть в турбинах Усть-Илима,
чтоб вырываться мокрым белым дымом,
чтоб током напоить свой край родимый,
чтоб морем стать, разлившись меж лугов.

Уже вода по грудь. Уже по плечи.
Уже видны лишь ноздри у лосят.
Они идут на дно по-человечьи,
что оправдания наши, наши речи –
когда горят березовые свечи
и сосны по лосятам голосят!

В ядро земное упершись ногами,
они стоят, как стража, в глубине, –
дома, что проросли над берегами,
деревья с медно-рыжими рогами,
лосятами, идущими лугами
в свое бессмертье, показались мне.

Я думаю: как жертвенна природа,
как терпеливо может нам прощать.
Да, ток ангарский – это для народа,
да, город новый – это для народа.
Но нет Лосят, навек сомкнулись воды...

И трёх детей не досчиталась мать.

Люди к морю привыкают,
люди к лесу привыкают
и друг к другу привыкают, –
не жалеют ничего:
люди морем помыкают,
люди лесом помыкают
и друг другом помыкают –
для блаженства своего.

Терпит лес, и терпит море,
переносят стыд и горе,
с человечеством не споря
до мучительной черты.

Но однажды, мир наруша,
море ринется на сушу,
умирать придут на берег
полосатые киты.

Но однажды лес кудлатый
среди лета сбросит латы,
скажет:
«Люди, – вот расплата
за отсутствие любви!»
И тотчас исчезнет зона
кислорода и озона,
воздух делается мертвым –
и как хочешь – так живи.

Как мы кланялись наукам,
техпрогресса славным трюкам,
как мы радуемся внукам,
в их надежды влюблены...
Да, у нас – ума палата,
но за нас их ждет расплата –
божий мир без кислорода –
хуже атомной войны.

Но однажды бездуховность
станут чтить, как безгреховность,
к черту выбросят условность,
зарядив ее в пращу...
Днем возьмет фонарь калека,
скажет:
«Где вы, человеки?!
Я ищу живую душу,
человечество ищу!».

Из стихотворения «На таёжном кордоне»

На кордоне глухом,
там, где тропка ветвится,
убаюкана мхом,
сладко спит голубица.
Среди чахлых берез
что согнулись нелепо,
светят капельки слез,
как посланники неба.
Среди дивной жары,
целомудренно, чисто
созревают шары,
голубей аметиста.
И бескрайни леса,
нескончаемо лето,
и горят небеса
голубичного цвета.

Опять погода заметелила...

Опять погода заметелила некстати,
От ветра улица буквально чуть жива.
...Сидела женщина в малиновом халате,
на тонких спицах сочиняла кружева.
И петли складывались в тайные начала,
соединялись в неожиданную вязь,
как будто жизнь мою на ощупь намечала
слепая женщина, судьбою назовясь.
Была неточною и путаной основа,
и спицы двигались впопад и невпопад,
и петли падали, и распускались снова,
и, как восход, горел малиновый закат.

Паводок на Лене-реке

Уже в тайге зеленые дымы,
и зверь лесной от зноя ищет тени,

а лед последний стиснул горло Лене
смертельной хваткой умершей зимы.
Река набухла, странно посинев,
все резче, напряженной с каждым часом
она пошла по золотым аласам
и на наслегах выместила гнев:
Уже шумят притоки-крепцыши:
«Вперед! Вперед! Проучим супостата!»,
а лед лежит светло, невиновато –
он холоден, в нем нет живой души.
Осколок стужи средь живых картин,
лед – будто скатерть белая на тризне.
О сколько их стоит на реках жизни
построенных бездушием плотин!
Любовь, снеси заторы и снега,
жестока будь и будь благословенна...
И жизнь моя опять течет, как Лена,
и сокрушенно ищет берега.

Погода, как моя судьба:
дожди, и печи не затоплены,
и смяты тучные хлеба,
и рощи тучами затоплены.
А над разливами – венцы,
как памятники над могилами,
и облака, как те птенцы,
что от рождения – бескрылые.
Туманы плавают во мгле,
весь мир набит до края тучами,
и хлещут ливни по земле,
что пыткой водною измучена.
А ей – цвести, рожать хлеба,
а дождь? – Да пусть себе похлюпает.
Погода, как моя судьба –
не для гуляк и не для хлюпиков.

Природа предлагает людям код,
соединяя времена открыто,
и папоротник нам передает
настойчивый привет палеолита.
И возле дома заросли хвоща
под ветерком, что кажется им бурей,
качаются, тревожно трепеща,
как юрские леса в миниатюре.
И ворон, пролетая сквозь века,
подобно черной сумеречной тени,
пьет воду то с дружиной Ермака,
то с вахтой нефтехимиков Тюмени.

Снегири

Юрию Дмитриеву

Уже снега надежны и не тают,
пришел их час, тут что ни говори.
Но птицы прилетают, прилетают,
на стужу прилетают снегири.
И солнца нет, и все метели веют,
в беленый холст плетут поземку-нить,
а птицы среди леса розовеют,
стремясь зарю на небе заменить.
Не только в январе бывает стужа –
и в августе приходят январь,
но, теплый свет внезапно обнаруживая,
летят слова, как будто снегири.
И сердце неожиданно согрето,
и ветер затихает во дворе,
и среди стужи наступает лето –
приходит лето даже в январе.

Тайга

Тайга научит кланяться

Невежу и разиню.

Машина шла дорогою,
Похожей на каракули.
Деревья-забияки,
Березы и осины
Хлестали нас по спинам,
Носы и лбы царапали.
тайга научит слушаться
Невежу и разиню.
Чего, мол, зря шатаетесь,
От скуки рты разиня.
Заслон зеленый, верный
На край дороги выставив,
тайга велела кланяться –
И мы сгибались истоиво.
Так от нахальных веток
Оберегая зрение,
Мы молчаливо кланялись
и сняли подозрение.
Тогда тайга поверила –
Зашевелила кронами
И тайны нам поверила,
И стала благосклонною.
Вот пики в землю воткнуты
И, на ветру качаясь,
Становятся дремотными
Цветами иван-чая.
И чтобы к нам подладиться,
Смирить с тайги замашками,
Встаю поляны в платьницах,
Расцвеченных ромашками.
Хозяйка их – притворщица –
Мелькнет зеленой блузкою –
И не тайга, а рощица
Лопочет древнерусская.

С березовую прелестью,
Что в сердце нежность вызвала,
С грибною теплой прелестью,
Что памятна нам сызмала.
И вдруг – не роща: кронами
Стоит, небес касается
Под солнечной короною
Сибирская красавица.
Овеянная ветрами,
Отражена озерами,
Украшенная кедрами
И хвойными узорами.
Не поведет и веткою,
Заворожит – не стронешься...
Красу увидишь редкою –
Такой и сам поклонисься.

Тофаларские мотивы

1. Река Уда

Я в воды Уды вошел сгоряча.
И мне показалось: вода горяча,
она, ледяная, меня обожгла,
как редкие ласки твои.

Я в горы вошел через строй кедрача.
Ручей подошел ко мне, нежно журча,
и следом пошел он, рекой становясь,
как будто любовь твоя.

В Саянах, где ветер упрям и упруг,
пройдя перевал, я почувствовал вдруг,
холодность твоя и есть тот огонь,
который сжигает меня.

2. «Кукушкины слезы»

В Саянах, в зеленых Саянах,
в тайге, что по плечи в туманах,
кукушка сидит на березе,
роняет кукушкины слезы.
Идут над Саянами грозы –
синеют «кукушкины слезы»,
закат ли прозрачен и розов –
как звезды «кукушкины слезы»
горят в разнотравье на скалах.
Кукушка детей растеряла.
В чужом они выросли доме,
и нет у них матери, кроме
тайги, что по плечи в туманах
стоит молчаливо в Саянах.

Уже не облака, еще не тучи.
В разрывах небо оттого синей,
а там, где солнце льет огонь летучий, –
метаморфозы света и теней.

Еще гроза не накопила силу,
еще ветрам доступно в краткий срок
ударить с флангов или грянуть с тылу,
освободить и запад и восток.
Но из мешка, где дремлет рать боря,
никто спасать не рвется синеву,
лишь ветерок, что всех других добрее,
что шевелит ленивую листву.

Холодный ветер треплет рощу
и, стоя на ногах прямых,
деревья жалуются, ропщут
на языке глухонемых.

Они ветвями машут грозно:

«Остановись, в конце концов!»
И не выдерживают гнезда
неоперившихся птенцов.

И, где взъерошенные кочки
весенней свежести полны,
лежат невинные комочки,
как жертвы мировой войны.

Цикл стихотворений «Времена года»

Весна

Весенняя графика

Черно-белые гравюры,
преапрельские листы
после длинной, после хмурой,
после зимней масты.
Каждый день – свои отметки,
каждый час – свои штрихи...
Вот на фоне снега – ветки
мартом тронутой ольхи.
Серебристый наст протаян,
тропка – робкая черта,
снег и пятнышки проталин –
вся земля, как береста.
Елок стройные фигуры,
теней легкие цветы...
Вот на белый лист гравюры
молча вышли я и ты.
Мы друг к другу потянулись,
и сквозь лес, и снег, и льды
по гравюре протянулись
наши точки – следы.
Между нами – горы круты,

города и пустыри...
Помолчи еще минуту.
Ничего не говори.

* * *

Зимы снеговые напасти
за майский ушли оком.
Как символ желанья и страсти,
багульник исходит огнем.

И, ветром весенним воспеты,
в припадке лихой доброты
свои золотые монеты
рассыпали первоцветы.
И в жажде признанья и славы
геройский бросок совершив,
внезапные буйные травы
достигли гранитных вершин.

И это великое действо
свободы, любви, красоты,
должно быть, твое чародейство,
за всем этим прячешься — ты.

Твоих не изведав секретов,
я все бы держал в голове,
что просто багул фиолетов
и желт одуванчик в траве.

Уже в березах бродят соки глухо

Уже в березах
бродят соки глухо,
и соль снегов
за ближним бугорком
весна,

как молодая оленуха,
настороженно лижет языком.

Мороз ли неожиданный нагрянет,
смутит ли солнце
тонкой ивы сны, -
мир все равно качается на грани
зимы отбушевавшей
и весны.

Мир все равно теряет
равновесье,

у гор и рек кружится голова,
и весь я в ожидании,
и вес я
как первой книги
первая глава.
Возьми меня,
прочти любые строки,
открой меня,
как открывают мир,
войди в меня,
как входят в лес высокий
из зимней отчужденности квартир.

* * *

Может, выйдем у дачки,
где пока тишина,
где бесшумные скачки
учинила весна.
Где, разбив оболочки,
как птенцы скорлупу,
вылетают листочки,
бросив тень на тропу.
Мы присядем в волнение
на скамью у окна,
и свое представленье

доиграет весна.
И на всю на округу
раззвонит первоцвет,
как мы любим друг друга –
вот уж тысячу лет.

Весеннее

Я знаю:
дело скверное –
сидеть в квартире топленной,
когда весна над скверами
гнездится в каждом тополе.
Гляди:
снега не стояли,
но белизна их тронута
и птицы, птицы стаями
летят от горизонта.
Пойдем!
Пальто отброшены
до новой стужи в отпуске.
Пойдем месить калошами
зари веселой отбрызги.
Сердца, как будто зяблики,
встревожены, растаяны,
а если и озябнем мы, –
погреемся в трамвае мы.
Усядемся, проедемся,
с окраинами встретимся.
Кондуктор удивляется,
показывает пальцем:
– Должно быть, ненормальные –
туда-сюда катаются!
Подходит гусем важным,
вопрос вставляет ловко:
– Куда вам ехать, граждане?

– Какая остановка?
Мы глянем на кондуктора –
глаза весною мечены –
и скажем мы кондуктору:
– Конечно же,
конечная!

Ты видела, как расцветает багульник?
Все происходит так:
Каждая почка на хрупком рассвете
Раскрывает кулак.
И вырываются вдруг наружу –
Пока еще невелики, –
Презирая снега и стужу,
Лиловые огоньки.
Будет еще зима колобродить,
Снегом обдаст навесным,
Но уже ни за что
Никакой непогоде
Не погасить
Весны!

Лето

Август

Еще жара, но зной не так несносен,
еще в цветах мохнатятся шмели...
Уже не лето, но еще не осень –
особое томление земли.

Уже отпето, а еще не спелось,
уже набухли вены от трудов,
уже не завязь, но еще не спелость,
а только ощущение плодов.

Блаженный август, завершение лета:
что не достроил – то уже на слом,
предельный срок плода и пустоцвета,
водораздел таланта с ремеслом.

Гроза

Облака залегли, как пехота:
цепь за цепью, за ротой – рота,
и закатные нивы красны –
все в крови беспощадной войны.

Скоро дождь артналетом обрушит
свой удар на осеннюю медь,
ослепительным залпом «катюши»
будет молния в небе греметь.
И тайга в обороне глубокой,
и штыки у небес на краю...
Не вернулся ли я ненароком
в отгремевшую юность мою?

Жарки

Жизнь меняет порядок вещей –
вот и зрелости песни отпеты,
но, как прежде, меж легких хвощей
полыхают жарков самоцветы.

И, как прежде, тревожат меня,
как мигание на неотложках,
эти странные сгустки огня
на высоких коленчатых ножках.

Непогода сегодня с утра
серым войлоком мир спеленала –
на березах потухла кора,

не алеют кусты краснотала.

Но суровости сей вопреки,
среди хмуρο притихшей природы,
так пронзительно светят жарки,
как посланцы хорошей погоды.

Вот туман растворился, зачах,
солнце нехотя выпустил вечер,
и жарки в предзакатных лучах
светят, как поминальные свечи.

И пока их огонь не погас,
со слезами, ожегшими веки,
вспоминаю потерянно вас —
всех, с кем я распрощался навеки.

За майским сиянием гроз —
зигзаг прибайкальской погоды:
в июне ударил мороз,
на зорьке, и сжег огороды.
Так в нашем бывает краю:
мороз среди жаркого лета
поранил рябинку мою,
что нежно была разодела.

Он листьев обуглил края,
он ягоды смял до рожденья,
болеет рябинка моя,
прозрачная, как наважденье.

Внезапный студеный недуг,
зимы снежно-белая фаза.
Так сердце спалила мне вдруг
одна мимолетная фраза.

Ливень

Как думал о воде летучей,
когда входили мы в залив?
Но тишину накрыло тучей,
залив смятением залив.
Ударил ливень яркой силой,
и капля, верткая, как бес,
в волну натянутую била
и вновь взлетала – до небес.
А берег выплеснул сирену,
но тут, взамен сигнала SOS, –
милльон спортсменок – на арену,
и представленье началось.
У лодки с волнами – дебаты,
а туча медленна, тяжка,
с нее слетели акробаты –
и каждый ростом полвершка.
Они бесились, зная цену
мгновению в разгаре дня...
Но солнце вдруг закрыло сцену,
и занавес был из огня.
И над заливом белым паром
иссякший ливень истлевал...
Лишь белый парус, мокрый парус.
И тихий вал. Усталый вал.

Лютики

От реки до соседнего лога
в огоньках-светляках берега:
нынче лютиков, лютиков много –
вся усыпала ими тайга.

Никогда еще так не бывало:
за неделей неделю подряд

все рождалось и отполыхало,
а они все горят и горят.

Видно, время такое пришло,
что и здесь, и вон там, и вдали
солнца огнепалящие стрелы
на могучей земле проросли.

И, как отсвет июльского зноя,
сквозь деревья, траву и кусты
блещет ясное пламя резное —
знак надежды и знак чистоты.

Может, мы ошибаемся, люди,
и цветок мы назвали не так?
Он не лют этот солнечный лютик
под несправедливой кличкой — «сорняк».

Ночь в лесной сторожке

По шиферу да по крылечку
Бьют капли, а в доме — уют,
И кажется: куры за печкой
Зерно золотое клюют.
А дождь все сильнее. Потеха! —
Полей еще, дождик, полей!..
И мнится, что едет телега
Вдоль медленных тучных полей.

Вот гром пробурчал для порядку,
Раскат разбудил высоту,
А снится: идет на посадку
По тучам серебряный ТУ.

Какая счастливая участь:
Почувствовать в крае лесном
Простор меж землею и тучей,

Простор между явью и сном.

Перевал

Нас облака обволокли,
зеленый газик в них витает,
и на стекло летят и тают
дождейки – белые шмели.
Нет, газик жмет не по лесам,
ее по оклистой мокрой круче:
косыми струями прикручен
он к непроглядным небесам.
Но, уцепившись за багул,
за травы, он спешит в низину,
косые струи, как резину,
неимоверно растянул.
И обрывается канат,
которым дождь был связан с нами,
и тучи, вдруг махнув крылами,
летят, счастливые, летят!

Разлеталась ворона, вещая,
замыкая над трактом круги,
и бенгальский огонь иван-чая
полыхает в пространствах тайги.
Он дошел до краев окоема,
и уже меж испуганных туч
так мятежно, лилово, знакомо
полыхнул иванчаевый луч.

А машина, неспешно качая
наши мысли, тянулась к реке,
и светился цветок иван-чая
в полудетской прозрачной руке.
И, за нами следя с небосклона,

среди облачной летней шуги,
все летела, летела ворона,
замыкая над трактом круги.

Упали тучи на асфальт

Упали тучи на асфальт,
упали тучи,
роняя косо под колеса
дождь летучий.
И были улицы
не суша, а каналы,
и шины в них
свои мозоли
окунали.
Ездою быстрой
и жарой разгоряченные,
они в прохладе летней
остывали
и мчались дальше,
новенькие, черные,
и больше целый день
не уставали.
Что скорость им,
что тормоза скрипучие?!
Упали тучи на асфальт,
упали тучи.
По ним иду,
в прохладный ливень
окунаюсь
и, в общем, тоже
тормозам
не подчиняюсь!

Осень

Листопад

Лесные бабочки, как ранний листопад,
летят оранжево в клубящиеся травы.
А листья шепчут: бабочки не правы,
бессмертны мы, намеки – невпопад.
Но день неожиданный листья подсечет,
и наземь упадет краса резная...
Но бабочки об этом не узнают:
они – мертвы и, стало быть, не в счет.
...Я загрущу, я выйду в листопад,
таким жестоким знанием отмечен:
что все невечно, и что я невечен...
А листья, словно бабочки, летят.

Провиденье порою – хуже пут,
спасенья нет от неизбежных истин.
А листопад торжественно-неистов,
и в мертвых листьях – бабочки живут.

Осенние этюды

Я осень рисовал,
я отдал дань туманам,
устал и рассовал
рисунки по карманам.
В один карман вошел
багрянец листопада,
вплыл паутины шелк,
втекла реки прохлада.
В другой карман легли
и предрассветный иней,
и все дары земли,
и небо в куртке синей.
И лишь туман пропал,
исчез легко и странно...
...Его я отыскал

в твоих глазах туманных.
Он плыл по небу глаз,
и труден был вопрос их:
неужто и для нас
уже настала осень?

Неужто нам уже
зима закуковала
на белом рубеже
за ближним перевалом?

А вьюги все мели,
все дыбились метели,
и дни, как журавли,
взвивались и летели –
над холмиками стрех
растянуты по струнке...

...А я на снег, на снег
ронял свои рисунки.
И вновь в снегах цвели
торжественно и радо
и все дары земли,
и краски листопада.

И все моложе мы,
и ты молчишь, согрета,
среди кругов зимы
встречая бабье лето.

Преддверье зимы

Поздняя осень. Преддверье зимы.
Тихого солнца нежаркая нега...
Хрупкие листья. Предчувствие снега.
Ветром размотанные дымы.
Лотки, за лето намаявшись вволю,
носом уткнулись в холодный причал.
Соединенье концов и начал –
осень посыпана инея солью.
И на лету замерзают дожди,
небо – в накидке из серого пуха.

Город – большое и чуткое ухо –
слушает: что там еще впереди?
Поздняя осень. Преддверье зимы.
А до весны еще век или год нам?!
В улицы-реки втекают вольготно
тучи, как будто большие сомы.

Стихи о кленовом листе

Я – осенний день,
я праздничен и чист.
Вместо сердца у меня –
кленовый лист.
Бродит ветер
равнодушен и жесток:
обрывается, летит, болит листок.
Он лежит на тротуаре,
на виду,
только вы – все мимо, мимо,
на беду!
Вам поднять его с асфальта не с руки,
целый день идут по сердцу
каблуки.
Вы спешите на работу,
в институт,
а меня слепые дворники метут,
поджигают –
боль прозрачна и остра!
Приходите,
Отогрейтесь у костра.

Шуга

Льдины – осенние птицы...
Белая стая
меж берегами гнездится,

крылья пластая.
Будто бы дикие утицы
сели – устали,
молча над плесами крутится
белая стая.
Ветер крылатых разводит,
снова их сгрудит –
бьются, сминая разводья,
белые груди,
гибнут, чтоб снова родиться,
пена – резная...
– Птицы! Надолго к нам, птицы?
– Кто его знает...

Зима

Идет февраль

Из отдаленных перелесиц,
метя ветрами по земле,
идет февраль – короткий месяц...
(А родилась ты в феврале!)
Стучал он вьюгою в ворота,
вершил над лесом волшебство.
И было озорное что-то
в нелепой краткости его.
И январю вручая визы
в полночной пограничной мгле,
он шел, как дерзость, шел, как вызов!
(А родилась ты в феврале!)
Держал он землю в напряженье.
Толклись снежинки, мельтеша,
и začínалась в их движение
твоя метельная душа.

Поземка

Тысячи белых змей
пересекают тракт.
Какая невзгода гонит
тысячи белых змей?
Бросаются под колеса
наперез машине,
являясь из темноты
тысячи белых змей.

Тысячи белых волн
вспыхнули над асфальтом,
а шины – на гребни, на пену,
на тысячу белых волн.
Куда-то поплыл асфальт,
стал зыбким и ненадежным,
и нет сибирского тракта,
есть – тысячи белых волн.

Тысячи белых бабочек
стучатся в стекло ветровое,
и разбиваются насмерть
тысячи белых бабочек.
Но на приманку фар,
на смену погибшим тысячам
летят из пустого мрака
тысячи белых бабочек.
О этот ночлег в конце!
Едва прикасаюсь к подушке –
шатаются белые волны,
гибнут белые бабочки,
белые змеи ползут.
И в тысячный раз во сне,
как оборотень меняясь,
заносит меня
поземка.

* * *

Яне Моравцовой

Снегопад, снежокрут, снеговей,
февраля запоздалое эхо,
ни удачи тебе, ни успеха –
нам давай что-нибудь поновей.

Снеговей, снегопад, снежокрут,
перехлест заблудившейся вьюги, –
бесполезны, бесплодны потуги,
слышишь: вешние птицы поют?!

Снежокрут, снеговей, снегопад,
что ж ты так задержался позорно?
Все твои серебристые зерна
на весенней улыбке сгорят.

Стихи об Иркутске

Баллада об Иркутске

Души огонь неугасимый,
Байкальский ветер, обнови!
В который раз, Иркутск любимый,
Я признаюсь тебе в любви!

Какой крутой ни выбрал путь бы,
Влекут меня в твои края
С Иркутском связанные судьбы,
И среди них – судьба моя!

Когда мальцом с обрыва прыгал
В огонь студёный Ангары,
Ты открывался мне как книга.
Как сказок маминых миры.

Тот воздух детства вновь вдохнуть бы,
Восторг счастливый затая.
С Иркутском связанные судьбы,
И среди них – судьба моя!

Чтоб жизнь моя не обмельчала,
А набирала высоту,
Храню в себе твои начала:
Суровость, нежность, чистоту!

Мне в день грядущий заглянуть бы,
Каким ты станешь в дальний час.
С Иркутском связанные судьбы
Сегодня, завтра и без нас...

Какой крутой ни выбрал путь бы,
Влекут меня в твои края
С Иркутском связанные судьбы,
Поскольку ты – судьба моя!

Балясы

Дома, что прослужили годы,
пускает город на дрова,
и – белой сажей в дымоходы
летят резные кружева.
О, века точные балансы:
сему – цвести, сему – почтить...

Точить веселые балясы –
не лясы все-таки точить!
Где мастера, что, полукружьем
рассевшись, подперев виски,
угадывали ритмы кружев
на глади струганной доски?

...И вот пила заговорила,
в узоре затемнел просвет,
и для начала – бог Ярило
являлся – кругляшком – на свет.
И над дверьми, и над оконцем,
как повелось давным-давно,
на счастье повисало солнце,
в орнамент листьев вплетено.
...Век полимеров и бетона,
твоя напористость – права,
но почему ты неприклонно
в печах сжигаешь кружева?
Так уж точны твои балансы?
А может, все же есть просчет?

Летят веселые балясы
белесой сажей в дымоход.
Неужто силы не достало
не обрывать искусства нить
и рядом с камнем и металлом
резьбу по дереву хранить?
Чтоб жил из древности идущий
зов красоты
и мастерства,
чтоб не родился там – в грядущем –
Иван, не помнящий родства!

Воспоминание

Проснулись звезды. А неон
явил свою цветную милость,
как будто солнце преломилось
в стеклянных трубках, а не он.
И загорались фонари –
пока неярко, как лучины,

и рыбу в Ангаре лучили,
плывя под парусом зари.
А сумрак – старый браконьер –
в луну умело бросил камень,
и звезды выловил силками,
не снисходя до полумер.
Светильникам грозила тень,
злясь их холодному накалу.
И тут-то, получив нокаут,
за горизонт свалился день.
Пот и заботы смыл с лица,
собрал Иркутск в театрах вече,
и в шепот парков вышел вечер,
чтобы улавливать сердца.
О танцплощадки терпкий зов,
как обещанье неземного!
И в танцах перерыв, и снова
все начинается с азов!
О сладостный ритмичный звук,
подошв согласное шуршанье.
О площадь первого свиданья –
ты площадь будущих разлук!
Ты всякий раз припомнишь мне
давно испытанное что-то:
эпоху танго и фокстрота,
предшествовавшую войне.
...Баян от свежести знобит.
Лисиха. Роща у конторы,
и плечи девочки, которой
уже вовеки не забыть.
Ни слов, ни заверений пылких,
а длится, длится этот свет...
Ночная смена. Лесопилка.
И мне всего шестнадцать лет.

Иркутск

Бегут и бегут прибайкальские шири,
Саянские горы синеют вдали.
Нас встретит столица таежной Сибири,
любимый Иркутск, середина Земли.
Других городов - их немало на свете,
взгляни на восток и на запад взгляни,
сквозь тысячи верст мы свой город заметим,
любимый Иркутск, середина Земли.

Пусть есть города и красивей, и выше,
но где бы пути иркутян ни легли,
они тебя видят, они тебя слышат,
любимый Иркутск, середина Земли!

Иркутский острог

И вдруг привидится такое:
В сплетенье судеб и тревог
Встает над дикою рекою
Иркутский рубленый острог.
...Ни знатных зодчих, ни прорабов,
ни удалых грузовиков,
весь мир – оярский сын Похабов
да сотня дюжих казаков.
Да Ангары ни с чем не схожий
Глоток, сжигающий уста,
Да для посева клин угожий,
Да славный выгон для скота.
...Лишь на заре туманы стоят
над дивным бегом Ангары,
как сирий-птицами взлетают
в руках охочих топоры.
Себя припевкой-шуткой тешат
Первопроходцы-молодцы,
И золотые бревна тешут,
И вяжут вечные венцы.

Смолёвый дух тревогу будит,
Волнует сердце казака:
А что-то будет, что-то будет
Через года, через века?
Поди, поля взойдут хлебами,
Да встанут избы в сто рядов,
И ляжет меж семью горбами
Один из славных городов.
И в нем диковин будет много...
Да вспомнят ли в достойный час
Добром начальным день острога,
И пашню первую, и нас?

Три века

Иркутск. Над бысролетной Ангарой,
вблизи Байкала – утреннего чуда, –
твоих домов узорная причуда,
твоих домов благословенный рой.
Тебе к лицу и лето и зима,
и яблочность снегов, и яблонь снежность,
и Ангары прозрачная мятежность.
К тебе добра история сама.
Она дала неповторимый лик,
в тебя вдохнула душу человека.
Так нелегко текли твои три века,
а пролетели, как единый миг.
И ты стоишь, в судьбу свою вобрав
минувших дней события и сказки,
простор – от Енисея до Аляски,
соседство океанов и держав.
Тебе к лицу движение веков,
острог Иркутский, ты, покинув детство,
стал городом, ты получил наследство
от декабристов и большевиков.
И, как Радищев некогда мечтал,

сегодня ты трудом своим по праву
себя прославил, город и державу
и «центром области обширнейший» стал.
Ты – в гуле напряжения и дел,
ты – на юру, ты временем отмечен,
да будет твой удел красив и вечен,
да будет благороден твой удел!

С Иркутском связанные судьбы

Души огонь неугасимый
байкальский ветер, обнови!
В который раз, Иркутск любимый,
я признаюсь тебе в любви,
я признаюсь тебе в любви!
Какой крутой ни выбрал путь бы,
влекут меня в твои края
с Иркутском связанные судьбы,
и среди них - судьба моя!

Когда мальцом с обрыва прыгал
в огонь студёный Ангары,
ты открывался мне как книга.
как сказок маминых миры.
Тот воздух детства вновь вдохнуть бы.
восторг счастливый затая.
С Иркутском связанные судьбы,
и среди них - судьба моя!

Чтоб жизнь моя не обмельчала
и набирала высоту, храню в себе твои начала,
суровость, нежность, чистоту!
Мне в день грядущий заглянуть бы,
каким ты станешь в дальний час.
С Иркутском связанные судьбы,
сегодня, завтра и без нас.

Души огонь неугасимый,
байкальский ветер, обнови.
В который раз, Иркутск любимый,
я признаюсь тебе в любви.
я признаюсь тебе в любви!
Какой крутой ни выбрал путь бы,
влекут меня в твои края
с Иркутском связанные судьбы,
поскольку ты - судьба моя!

Стихотворения о природе для детей младшего школьного возраста

Ворчуны

Под осиной подосиновик сидит.
На осину подосиновик сердит:
– Мне осина заслоняет неба синь!
Ну кому какая польза от осин?
Лучше бы я вырос под березой!
Под берёзой подберёзовик сидит,
на берёзу подберёзовик сердит:
– Назовёшь ли это деревом всерьёз?
Ну кому какая польза от берёз?
Лучше бы я вырос под осиной!
Под осиной подосиновик торчит.
Под берёзой подберёзовик ворчит.
Я бы их пересадил,
но ей-же-ей,
ни вкусней они не станут
ни умней.

Голубица

Стали зубы голубыми у меня,
стали губы голубыми у меня,
стали руки голубыми у меня,
стала небу голубому я родня.
Показалось не во сне, а наяву,
будто в небо окунаюсь и плыву,
будто в небо окунаюсь и плыву –
будто выпачкалась в неба синеву.
Машут тучи мне, маня меня, маня
Заболталась я,
не слушайте меня.
Это просто
среди леса,
возле пня,
голубица перемазала меня.
Какая вкусная ягода!

Гроза

Цветная колесница
По небу лихо мчится.
В ней бочки громыхают
С прохладною водой.
Верблюдов погоняет
Возница молодой.
Дорогою неровной
Гремит она, стучит.
Копыта на подкованы
И гром из-под копыт!
Дорогою знакомой
Летит она, пыля.
Гудит, дрожит от грома
И небо, и земля.
Возница по верблюдам
Всё пуще бьёт кнутом,
И вновь весёлым гулом

Грохочет в небе гром!
И молнии сверкают
По тёмным небесам,
Мелькнут и вновь блистают,
Аж боязно глазам!
Тут бочки раскатились, —
Беда, беда, беда!
Потоки заструились,
Летит с небес вода!
Не утихая льётся,
И всё мокро кругом.
А малышня смеётся:
«Греми сильнее, гром!
Гроза! По тучам чёрны
Ликуй и грохочи,
Мальчишек и девчонок
До нитки промочи!»

Дятел

Ну что же ты, дятел,
Стучишь невпопад.
Быть может, ты спрятал
Таинственный клад,
Пришел за богатством,
Да сбился с пути?
Тайга-то большая —
Попробуй найти!
Ведь день ты хлопочешь,
Деревья долбя.
Должно быть, трещит
Голова у тебя?
Быть может, устал
От работы такой?
И есть ли надежда?
Иль нет никакой?

Все птицы как птицы;
То – песня, то – тишь,
А ты все долбишь
И долбишь,
И долбишь.
Проверил сосну,
И осину, и ель...
Собрал бы ты, дятел
Большую артель.
Ударили б разом
В тайге без границ
Веселые клювы
«Содружества птиц».
И солнце б еще
Не коснулось земли,
Как клад твой заветный
Артелью б нашли.
И – поровну всем бы!
И – весело б так!
Ты, может, не хочешь
Делиться, чудак?

Иван-чай

Захотел наш Иван чая,
прогулялся вдоль берёз,
и охапку иван-чая
из тайги Иван принёс.
Растопил он печь толково
и горшок поставил в печь,
Может, из цветов лиловых
он решил пирог испечь?
Может, вместо чая суп
из цветов таёжных
без картошки и без круп
приготовить можно?

Вынул Ваня котелок.
В котелке – пахучий сок,
и тайгой запахло в доме,
будто в дом пришёл лесок.
Всех знакомых угощая,
говорю я невзначай:
- Ах, какой из иван-чая
получился вкусный чай!
Хотите попробовать?

Кедровка

– Что делаешь, кедровка?
– Над кедрами кружу.
– Зачем, кедровка, кружишь?
– Да... шишки нахожу!
– Зачем кедровке шишки?
– А в них орехи есть.
– Зачем тебе орехи?
– Детишки просят есть.
Для дочерей-кедровок,
для сына моего
вкусней семян кедровых
не сыщешь ничего.

Легенда об Ангаре

Что тебе снится, Байкал? –
вода? или не вода?
...Небо шутя расплескал,
бросил в него невода.
Вроде бы сеть ничего –
сто километров в длину...
А и поймал-то всего
белую рыбу – луну
Белая рыба сладка,

брагой настояна ночь.
Сладкая дрема – крепка.
Вот и проспал свою дочь!

Лесной радист

Я лесом шел. Мороз крепчал,
И вдруг в глуши промёрзлой
Мне кто-то «Здравствуй» простучал
По азбуке по морзе.

Я слышал ясно: по коре
Удары молоточка –
Тук-тук, тире,
Тук-тук, тире,
Тук-тук, тире и точка.

В сосновых ветках наверху
Стучал весёлый дятел:
На всяческую чепуху
Он времени не тратил.

Он головой кивал, дразня,
С таким смешным задором,
Как будто приглашал меня
К серьёзным разговорам.

И я послал ему в ответ,
Как дружбы выражение:
Тук-тук, тире,
Тук-тук, привет,
Моё вам уважение!

Лось

Шла тропинка вкривь и вкось,
завивалась лихо.

Шёл по той тропинке лось,
а за ним – лосиха.
И сказал лосихе лось:
– Этот куст невкусный брось!
Отыскать грибы в чащобе
Мне сегодня удалось!
Говорит лосиха лосю:
– В небе что-то пролилось,
и в тайге опять мокреть –
просто муторно смотреть!
Ты сходил бы к леснику,
ты попил бы с ним чайку,
ты валежину сухую
притащил бы старику.
Чтобы в дождь ему не слечь,
чтоб топилась в доме печь,
чтоб лесничиха-старуха
пироги могла испечь!

Олень-драчун

Справедлива тайга и строга.
Наказала оленя тайга –
где-то в чёрной чащобе лесной
потерял он крутые рога.
Он потерю искал
от темна дотемна,
обходил стороной
он друзей и врагов,
чтоб не встретил случайно
никто
драчуна
без красивых,
ветвистых рогов
Вот кусты он увидел вдали.
– Не рога ли торчат из земли?

Неужели олени рога
на поляне лесной проросли?
Но деревья растут и кусты,
но растут лопухи и цветы,
а чтоб выросли в чаще рога —
о таком не слыхала тайга.
И напрасно олень
дотемна каждый день
всё искал
и вблизи и вдали.
Не на рыжей траве —
на его голове
молодые рога
проросли!
Будешь ещё драться?!

Осень

Погляди, какие дни стоят:
Ветер спит на бугорке,
Ходит осень золотистая,
Ходит с красками в руке.
И в лесах растенья разные —
От травинки до листа —
Перекрашивает в красные
Или в жёлтые цвета.

А потом берёт художница,
Бросив краски на траву,
В руки невидимки-ножницы
И стрижёт, стрижёт листву.

И проходишь утром в школу ты
По широкому двору,
Как по вытканному золотом
Драгоценному ковру.

Ромашка

В небе ветер ходит тяжело,
ветер просто одичал.
Словно жёлтую ромашку,
ветер солнце раскачал.
В облаках кружил летучих,
оборвал у солнца лучик,
отскочил в один прыжок
Как он пальцы не обжёт!
Падал лучик
из-за
тучек,
проносился
как стрела.
Где земли коснулся лучик —
там ромашка расцвела.

Пар

Пар спросонок потянулся
Над озёрной широтой.
Потянулся, улыбнулся:
«Потягаюсь с высотой!»
И над степью торопливо
Он поплыл наискосок.
Горделиво и счастливо
Глянул сверху на лесок.
Вот всё выше мчится, мчится,
Словно птичий караван.
Пар густеет, пар клубится,
Превращается в туман.
Вот уже огромной тучей
Прямо к солнышку плывёт.
Тучей медленной, могучей...
Да как глянет он с высот!

«Отпустите!» – чуть не плача
Закричал он небесам.
Как спуститься – вот задача,
Раз сюда взобрался сам?!
Пар заплакал – дождь закапал,
Пар навзрыд, взгляни – стеной
На восток, на юг, на запад
Хлынул ливень проливной!
И в дождинках – золотишках
Пар спустился с высоты.
Разбежался по тропинкам
Под деревья, под кусты
Ручейками светлыми
Вперегонки с ветрами.
Зажурчал и засмеялся,
К дому-озеру помчался!

Пожар

В чаще леса на закате
Поднялся переполох.
В чаще леса на закате
Кто-то озеро поджег.
– Караул!
– Пожар!
– Беда!
Загорелась, полыхает,
Полыхает, не стихает
В нашем озере вода.
– Как же мы недосмотрели!
– Кто преступник?
– Чья вина?!
– Неужели, неужели
Озеро сгорит до дна?
– Посмелей! Огонь – осилим!
Хватит в чаще прокисать!

Эй, березы, эй, осины,
Ну-ка озеро спасать!
В бой с огнем
В одно мгновение
От берез рванулись тени,
А за ними – в миг один –
Тени сосен и осин.
Полетели, как на крыльях.
Тени озеро накрыли.
Полыхнув в последний раз,
Нехотя огонь погас.
Солнце хитро улыбнулось,
Солнце в тучи завернулось,
Словно в шелковый халат.
Спать ложась, сказала солнце:
– Ну и ну! – сказала солнце,
– Чудаки! – сказала солнце, –
Это ж просто был закат!

Сказка

Есть поверье такое
на Байкале, на Лене,
будто солнце на небо
приносят олени:
откопают копытами
в вечных снегах –
и весь день
над землею
несут на рогах.
А когда темнота
надвигается глухо, –
где-то в чаще
находит луну оленуха,
оленок срывает
созревшие сны

и всю ночь
их на землю бросает
с луны.

Снегопад

- Гуси-гуси!
- Га-га-га!
- Кто вы?
- Белые снега.
- Как живете?
- Мы летим.
- Как далеко?
- На Витим.
Мы устали,
долог путь...
- Так садитесь –
отдохнуть.
- Мы боимся.
- А кого?
- Только ветра
одного.
Ветер – волк,
глаза горят.
Наши перья
вниз летят.
Наши перья
вниз летят –
Над Витимом
снегопад.

Чудак

Сибирской зимою
В студёный денёк
Душистое сено

Везёт паренёк.
Не к тёплым коровам,
Не к избам в снегу –
Он лошадь свою
Направляет в тайгу.
– Послушай! – воскликнул
Заезжий рыбак, –
Куда ты везёшь
Своё сено, чудака?
Всё лето косил ты
И ставил стога,
Неужто работа
Недорога?
Чудака отвечает:
– В разгаре зимы
Даю своё сено
Я лесу взаймы.
Вон снегу-то сколько,
Земля далеко,
Косулям траву добывать
Нелегко.
Морозы не шутка,
Февраль – не июль,
Подкормим маленько
Оленей, косуль.
Непросто от волка
Бежать натошак.
Вот так-то...
Ну, кто из нас, парень,
Чудака?

Тучей медленной, могучей...

Да как глянет он с высот!
«Отпустите!» – чуть не плача
Закричал он небесам.

Как спуститься – вот задача,
Раз сюда взобрался сам?!
Пар заплакал – дождь закапал,
Пар навзрыд, взгляни – стеной
На восток, на юг, на запад
Хлынул ливень проливной!
И в дождинках – золотинках
Пар спустился с высоты.
Разбежался по тропинкам
Под деревья, под кусты
Ручейками светлыми
Вперегонки с ветрами.
Зажурчал и засмеялся,
К дому-озеру помчался!

Чудеса

– Глядите-ка, чудо на даче у нас:
На дереве вырос
Зелёный матрас,
И два полотенца,
И синий пиджак!
Должно быть,
Гулял здесь волшебник-чудак:
Волшебною палочкой
Тронул осинку,
И лист вырезной
Превратился в косынку!
И шляпа созрела –
Чернее гнезда.
Мальчишки!
Девчонки!
Скорее сюда!

Глядите! Глядите: растут на осине
Нарядная кукла в плетёной корзине,

И шарик воздушный созрел под листвою,
И белый трепещет платок носовой.

А мне говорят:
– Не смейся-ка людей!
Какой там волшебник,
Какой чародей!
Покуда ты видел
Рассветные сны,
Тут ветер гостил
Из студёной страны.
Он всё собирал
В голубую охапку:
С верёвок – бельё,
С непутёвого – шапку.
Потом утомился, уснул и погас,
А вещи
Висят
На деревьях
У нас.

Стихи о Байкале

А что это такое?

А что это такое,
Такое голубое,
Холодное, как льдинка,
Прозрачно, как стекло?
Быть может, это небо
За сосны зацепилось,
По скалам покатилося
И на землю стекло?
А что это такое,
Такое золотое,
Блестящее, как зеркало,

Слепящее глаза?
Быть может, это солнце
Легло поспать под скалы,
Оно лежит устало,
Закрыв свои глаза?

А что это такое
Всё время в непокое,
Быть может, это туча
Застряла среди скал?
А это и не туча,
А это и не небо,
А это и не солнце,
А озеро Байкал!

Байкал стынет

Ой, налетела зима
белой гусыней,
и отморозили щеки
на ветру берега.
И холодеет Байкал,
стынет старик,
стынет,
и засыпают его
утренние снега.
Стужа клонит ко сну,
да в старости – плохо спится,
у январских ветров
косноязычна речь.
Все же летите, ветра,
да разыщите синицу,
может, она и вправду
сможет море поджечь?

Байкал

Лесистых гор полуовалы,
касание голубых лекал.
И скалы, срезанные валом,
и небо, павшее в Байкал,
и сам он – величав и вечен
в гранитной раме вырезной.
И весь – до донышка – просвечен,
и весь – до капельки – родной.
И Ангарты полет строптивый,
и ветра крик, и гул турбин,
и птицы-сосны над обрывом,
и дикий ветер баргузин –
все это, без чего не в силах
быть далью даль и ширью ширь,
и ты немыслима, Россия,
и ты немыслима, Сибирь.

Байкальский тракт

Лучи процеживает лесок,
ложатся тени
наискосок,
попеременно –
свет, тень,
поочередно –
ночь, день.
Вся жизнь моя –
полосатый трап,
вся жизнь моя,
как байкальский тракт, -
вверх – вниз,
вверх – вниз,
всю жизнь,
всю жизнь!

А полосы, полосы на снегу!
По черным, как будто бы сквозь пургу,
по светлым, как будто бы через смех! –
вниз – вверх,
вниз – вверх...
Но там, вдалеке,
у конца моих дней
Байкал все видней,
все видней,
все видней!

Баргузин

Ударил на рассвете баргузин,
и сосны закачались от испуга,
и волны, ударяясь друг о друга,
как факелы, взметнулись из глубин.

Уже на небе проступила мгла,
но гребни продолжали так светиться,
что верилось: осенняя синица
крылом небрежным море подожгла.

Огонь багряный в Анггару впадал,
и, ударяясь в лопасти турбины,
по проводам легко и голубино
летел разбушевавшийся Байкал.

...Я лампу золотистую зажгу,
и, не мигая, загляжусь невольно,
и вдруг увижу: загорелись волны,
и сосны все дрожат на берегу.

Бухта Песчаная

За непрочною дымкой туманной,

от больших городов вдалеке,
повстречались мы в бухте Песчаной
и лежим на горячем песке.
Синебокая дышит прохлада,
за волной нагоняет волну,
и лежит голубая громада —
все семьсот километров в длину.
Сразу большое стало небольшим,
и любая невзгода — мала,
и гремит старый мыс Колокольный,
как старинные колокола.
И под крики смятенные чаек,
и в дрожанье лесных повилик,
нас с тобою небрежно венчает
круглый, божеский, солнечный лик.

* * *

Весь вечер сижу у Байкала
на теплой спине валуна...
Волна, что уже пробежала,
опять воспарила со дня.
Под ветром шершавым, восточным,
в студеной созрев глубине,
она же, такая же точно,
торопится резво ко мне.
О камень, в воинственном раже,
в жемчужины разнесена,
все та же, все та же, все та же
восходит и мчится волна.
И думаю я, удивляясь,
глазами следя волнобой:
о как бы, все время меняясь,
всегда оставаться собой?

Ветеран

Где Байкал крутые волны катит,
где прибой от пены бородат,
на причале спит рыбацкий катер –
демобилизованный солдат.

У него на палубе зеленой,
полинявшей от морской воды,
как на гимнастёрке от погонов, –
от орудий темные следы.

Он в боях немало поработал,
и теперь ему не привыкать
на Байкале до седьмого пота
день-деньской с волнами воевать,

и с особой дружескою лаской
в знак его заслуг, трудов и ран
кто-то вывел бронзовую краской
на борту у носа: «Ветеран».

Голомянка

Голомянка – уникальная живородящая,
жирная до прозрачности рыбка,
живущая в Байкале. Никогда
не собирается в стаи.

Я к Байкалу иду спозаранку,
говорю я ему с улыбкой:
– Одари меня, море, рыбкой,
дай ты мне поймать голомянку.
Эта рыбка на вид невзрачна,
но зато она так прозрачна,
что к глазам поднесу поближе –
сквозь нее чудеса увижу.

Я мгновенным окину оком
все, что близко и что далеко,
все, что в дальней дали зыбится,
да не может никак забыться.
...Волны косят и косят камень,
ходят омули косяками,
что там просьбы и что – приманка! –
не плывет ко мне голомянка.
А Байкал все валы листает,
пригоняет мне рыбы стаи:
вот вам хариус,
вот вам омуль,
не пора направляться к дому ль?
Угасает моя улыбка:
где ты, где голомянка-рыбка?
По каким глубинным потокам
бродишь ты, как и я, одиноко?
Надо мною смеются люди,
но приду я опять спозаранку...
Ты не дай разувериться в чуде,
ты ко мне приплыви, голомянка.

Голуби Балатона

Меня на рассвете будят
дикие голуби Балатона.
И сквозь остатки сна,
и сквозь дождя бормотанье
я слышу их горький крик:
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
... И я вспоминаю дожди
нашей первой разлуки.
Горестные и счастливые,
шли они целый месяц
и размывали след,

что уводил от тебя.
Это было давно...
Один на один с непогодой
я шел по кромке Байкала
дождями пропитанный насквозь
(их даже одежда больше
в себя не могла впитать).
А я разговаривал с небом,
заглядывал в лица сопкам,
но выше, чем сопки и небо,
была тоска о тебе.
Тогда, за скалой притаившись,
я ловил запоздалые тучи
и с ними тебе посылал
стихи, как тайга, зеленые.
В них строки были корявы,
но сердце в стихах кричало:
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
И тучи летели к тебе,
и каждая капля дождя
падала каплею крика
на белый твой подоконник:
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
... Меня на рассвете будят
дикие голуби Балатона
И я надеваю плащ,
потрепанную болонью,
с прорехами от аварии,
ловко закрытыми скочем,
зашитыми твоими руками,
и выхожу под дождь
тысячной нашей разлуки.

Иду по негулким улицам
венгерского городка.
(Его черепичные крыши –
точно кусочки рассвета,
его камышовые крыши –
точно кусочки полдня.)
Он говорит на мягком,
особенном языке,
похожем на этот дождь.
И он мне кричит
тревожно
устами своих голубей:
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
О, счастливы будьте дожди,
парите, как сизые голуби,
крылами касаясь вершин,
дожди нашей первой разлуки
и тысячной нашей разлуки.
Оставьте нам солнце для встречи!
... Я вдруг просыпаюсь среди ночи
от крика.
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
И я растворяю окно –
но в мире стоит тишина.
И только в сердце моем
дикие голуби Балатона
все кричат,
все кричат:
– При-пом-ни!

Его позывные «Байкал»

Когда долетел байконуровский шквал

в январские белые чащи,
мне вдруг показался не морем Байкал,
а синей ракетой летящей.
И выдули солнце из сопок ветра,
качнулась тайга после взлета,
и вдруг полыхнула моя Ангара,
как огненный след звездолета.
И вот – оторвался от леса, от скал,
в пространство межзвездное хлынув,
и вот на орбиту выводит «Байкал»
земляк-звездолетчик Волинов.
Ему позывные даны неспроста:
давно уже символом стала
и сила,
и вечность,
и чистота
священного моря – Байкала.

Золотое слово

Байкальский лес потребовал:
- Пароль!?
- Любовь! – сказал я.
Это слово ждали.
Листва прошелестела мне:
- Изволь...
И предо мною распахнулись дали.

И облаков косматый серый фронт,
что только что забрал в полон осинник,
внезапно отошел за горизонт,
и небо стало откровенно синим.
И сквозь вовсю кипевшую весну,
ольховый праздник, выплески багула,
я вдруг увидел белую страну,
что за Байкалом горы распахнула.

И горы мне промолвили:
- Пароль?
- Любовь! – сказал я.
Замерли лавины,
и два хребта промолвили:
- Изволь!
И распахнули вдалеке долины.
И растворенный в счастье и беде,
пред чарами сумею ль устоять я?
И, как Христос, пошел я по воде
В распахнутые белые объятия.

Колдовские превращения воды.
От моторки золотая полоса.
Облака как самолетные следы,
непривычно расчертили небеса.

И Байкал не говорлив, не языкат,
и прилив не развлекается, звеня.
Постепенно опускается закат,
точно чайка, за плечами у меня.

И хребтов в оцепененье синий щит,
даже птички песнопенья не слышны...
Словно дикий зверь, автобус прорычит,
и затихнет, застеснявшись тишины.

И стою я у Байкала, не дыша,
весь пронизанный его голубизной,
и блаженно заполняется душа
этой вечной и святою тишиной.

Неспокоен Байкал, беспокойен,
ветра нет, и царит тишина,

но уставшая быть на приколе
в дикий берег стучится волна.
– Отпустите, – шумит, –
отпустите,
дайте волю, верните простор,
здесь когда-то лежали пустыни,
лес другой был и не было гор.
Я вольготно гуляла по миру,
птеродактиль парил вдалеке,
и лениво резвились тапиры
на горячем прибрежном песке.
Все хранит моя зыбкая память,
хоть столетья плотны, как туман,
надоело вздыматься и падать, –
отпустите меня в океан!
... Напряглось серебристое тело,
оторвалось от вод и земли,
светлым облаком в небо
взлетело, –
океан вострепнулся вдали.

Ночной лов

Баргузин зовется ветром смелых –
на руку погодка рыболовам,
после баргузина (есть примета)
каждый возвращается с уловом.

Вот канат к вертушкам привязали,
оттолкнулись. И с прибором споря,
с бодрой песней весла повернули
и ушли вперед – в ночное море.

Мы гребли одним веслом с рыбачкой –
девушкой решительной и смелой.
Я веслом ворочал неуклюже

и сбивался с ритма то и дело.
Мы травили невод постепенно.
Вдруг привстали парни на баркасе.
– Эй, Ходи! – вскричали дружным
хором
в двадцать два довольных зычных баса.

Заходили лошади на стане –
вмиг канат вертушка натянула.
– А теперь сильнее жми на весла, –
бойкая соседка мне шепнула.

Бригадирской подчинясь команде,
мы на весла жали что есть силы,
и тогда баркас причалил к тони, –
в неводе вода заколесила.

А вдали уже заря алела,
вспыхнул известняк на косогоре –
это мы искрящееся солнце
вытащили неводом из моря.

Опять всю гальку перебрал прибой...
Что ищешь ты, Байкал, на каждой отмели?
Иль горько пошутили над тобой?
Иль потерял ты что? Иль что-то отняли?
Пусть волны немые – в каждой спрятан крик.
Их гонит боль, едва сойдутся с кручами.
Ты, может, ищешь молодость, старик?
У молодости руки-ноги скручены.
Она далеко, нет путей назад,
гиганты горы в гальку перемолоты,
и время, как невидимый канат,
тугой петлей свою связало молодость.
Вернуть назад с тобой мы не вольны

и мелочишки – той, что годы отняли.
...Коснулись сердца щупальца волны.
Что ищешь ты, Байкал, на этой отмели?

Песня

Байкал, ты ведь знаешь, о ком я грущу.
(О, это нелегкая повесть!)
Я восемь валов пропущу, пропущу,
я валом девятым умоюсь.
И стану я камнем глубинного дна,
впитавшим студеную просинь.
И пусть меня кверху поднимет волна
и молча ей под ноги бросит.
Байкал, ты ведь знаешь, о ком я грущу.
Скажи мне, что делать с собою?
Я восемь ветров пропущу, пропущу,
и встречу я с бурей – сармою.
И стану я чайкой над черной волной,
взметнусь среди грома и вспышек.
И пусть она тайно любит меня,
и крик мой восторженный слышит.
Байкал, ты ведь знаешь, о ком я грущу.
Скажи: как увидеться с нею?
Я восемь ночей пропущу, пропущу,
я выберу ночь потемнее.
И стану звездой, чтоб висеть у окна,
и, горькую чуя истому,
светить ей в пути, если даже она
идет на свиданье к другому.

Прибой

Я слышу посвист отдаленный,
я слышу вал тихоголосый,
как будто там,

на дне зеленом,
все косит кто-то травы,
косит,
все ходит мягко и степенно
в подводном сумрачном лугу.
И горы,
словно копны сена,
стоят на пряном берегу.

Следы

Вода залижет все,
и все она замост...
Так почему же я
узрел издалика,
как от портовых дамб
полоскою прямою
в Байкал уходит след
трудыги-катерка?

Уже он вдалеке
кричит, как ранний кочет,
запутался в седой
байкальской бороде,
а след его лежит
и пропадать не хочет, —
бортами и винтом
начертан на воде.

Пылают огоньки —
воды и солнца дети,
чеканкою легла
на всем просторе рябь,
но темной полосой
в легкогорящем свете
лежит полудуга,

там, где прошел корабль.

Уже за катерком
ушел он в даль морскую,
он сам уже давно
в просторе растворен,
а след его лежит,
лежит – и ни в какую!
И весь его маршрут
на блеске повторен.
Ты только присмотришь,
и на рассвете бледном
в тумане виден след
вчерашнего костра.
И в небе самолет
летает не бесследно –
мелькнул он и исчез,
а в воздухе – дыра.

Читай, читай, следы
их боль неутолима,
читай, покуда юн
и на закате дня:
Весь белый свет лежит
открыто и ранимо,
и верует в тебя,
и верует в меня.

Слюдянка. Ночь

Уже берега не пестры,
и темны байкальские воды.
Как будто ночные костры,
видны вдалеке пароходы.
Кивни благосклонной звезде,
скажи неразменное слово –

и можешь идти по воде
к огням в половине второго.
Спеши, ибо часиков в пять
растает пора наваждений,
и проблески солнца опять
взойдут среди гор и селений,
и в небе растает звезда,
и тезе придет антитеза:
и станет водою – вода,
и станет железом – железо.

Странными хитросплетеньями
тропок, ветвей, облаков,
пятнами солнца и тенями,
эхом лесных уголков,

ветрами теплыми, вольными
снова меня обласкал,
обнял волнами и волнами
странный чудесник – Байкал.

Жидкий огонь его плавится,
нерпы ныряют, дразня
тех, кто хотел бы прославиться,
что не боится огня.

Облака отсвет натающий
падает робко за мной
в этот зовущий, пугающий,
в этот огонь ледяной.

Тепло

Ночью был у Байкала озноб,
метался старик всю ночь.

Утром солнце пощупало влажный лоб –
решило другу помочь.
Солнце пришло к нему из-за туч –
и стал он тише пруда.
И там,
где к воде прикасался луч,
вспыхивала звезда.

И, значит, уже не бывать беде,
и, значит, ненастье ушло...
Не только людям,
даже воде
необходимо
тепло.

Тучи лилового цвета
спрятали солнце вдали,
теплые полосы света
не достают до земли.

Вот уже, кажется, рядом
вспыхнут в Байкале, рябя...
так я ни словом, ни взглядом
не дотянусь до тебя.

Уже в небесах кружевницы
свой тихий узор навели –
там скоро зажгутся зарницы
и грозы коснутся земли.
Узор скомпанован неплотно
и тронут игрою ветров,
как будто на нежных полотнах
старинных скупых мастеров.

Но дерзко и яро, и броско
от нежности этой святой
Байкал отделен не полоской,
а всей синевою крутой.
Небесным огнем разрисован,
ордою притоков впоен,
прибоями исполосован,
подспудною силой взбугрен,

он – гений, он – дерзкая личность,
сибирский сорвиголова,
ему так чужда анемичность,
ему не нужны кружева.
Он лодку мою величаво
качает, как сизый листок,
и ярко горящая лава
летит изверженьем в исток.

Чем выше в гору – тем Байкал видней.
Вдали вода прозрачность потеряла
и кажется мерцанием металла,
что выплавлен из наших дум и дней.

Чем выше в гору – тем видней окрест,
всю суетливость погасили воды,
возник мираж простора и свободы,
как испытанье, как особый жест.

Душа, трудись, душа, ищи ответ, –
уступы круты, кислород разрежен, –
но если мы наросты не разрежем –
то счастья нет нам и спасенья нет.

Чем выше в гору – тем все реже лес.
И глаз с тебя природа не спускает,

и чистота святая возникает
от близости Байкала и небес.

Что происходит с миром,
что с ним сегодня стало? —
Бился Байкал о скалы —
и не видать Байкала:
берег застыл тревожно
в оцепененье замер —
море ушло из моря,
став твоими глазами.
Горы поникли в горе,
опустели откосы:
лес убежал из леса
и обратился в косы.
Поле ушло из поля,
ночь убежала из ночи,
сердце ушло из сердца
и возвращаться не хочет.

Список используемой литературы

Баллада об Иркутске : стихотворение / Марк Сергеев // Сибирячок. – 2011. – № 4. – С. 2. – 12+

Байкальский тракт : [стихотворение] / Марк Сергеев ; художник Анастасия Свинарёва // Сибирячок. – 2023. – № 5. – цв. вкл. – 12+.

В чудесном доме : стихи / Марк Сергеев ; художник Всеволод Николаевич Дружинин, Вальтер Карлович Фридеман. – Иркутск : Областное издательство, 1950. – 15 с.: ил. – 6+.

Вечерние птицы : стихи / Марк Давидович Сергеев ; художник Елена Анатольевна Чёрная. – Москва : Современник, 1987. – 112 с. – 16+.

Голомянка : [стихотворение] / Марк Сергеев // Сибирячок. – 2003. – № 5. – С. 16. – 6+.

Звуки Земли : избранная лирика ; стихи, ставшие песнями ; из записных книжек / Марк Давидович Сергеев ; редактор-составитель Лина Викторовна Иоффе ; художник Сергей Алексеевич Григорьев. – Иркутск : Издание ОАО «Иркутская областная типография № 1 им. В. М. Посохина», 2006. – 171, [5] с., [14] л. ил. : портр. – 16+.

Иней : стихи / Марк Давидович Сергеев ; художник Анатолий Иванович Аносов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. – 71 с. : ил. – 16+.

Каждый день начинать себя снова... : стихи / Марк Давидович Сергеев ; вступительная статья автора ; художник Анатолий Иванович Аносов. – Иркутск : Издательство журнала «Сибирь», «Письмена», 1996. – 480 с. – 16+.

Книга весёлого дятла : стихи / Марк Сергеев ; художник Виктор Аронович Дувидов. – Москва : Детская литература, 1966. – [16] с. : ил. – 0+.

Олень – драчун : стихи для детей / Марк Давидович Сергеев ; художник Николай Александрович Устинов. – Москва : Детская литература, 1974. – 24 с.: ил. – 6+.

Первооткрыватели : стихи / Марк Давидович Сергеев ; [художник Е. Г. Касьянов]. – Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1961. – 92 с. – 16+.

Пространство души : книга новых стихотворений / Марк Давидович Сергеев ; художник Олег Владимирович Беседин. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992. – 96 с. – 16+.

Ребята, пощупайте уши! : стихи, сказки, переводы / Марк Давидович Сергеев ; художник Раиса Николаевна Бардина. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983. – 127 с. – 6+.

Резьба : книга стихотворений / Марк Давидович Сергеев ; художник Владимир Икс. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. – 63 с. – 16+.

С Иркутском связанная судьба. Марк Сергеев : [Электронный ресурс] / составители Г. Л. Ильиных, В. А. Копылова, Л. Н. Молина. – Иркутск : Иркутская областная детская библиотека им. Марка Сергеева, 2012. – 1 эл. опт. диск (DVD-ROM) : цв., зв.

Свободный полёт : новая книга стихотворений / Марк Давидович Сергеев ; художник Анатолий Иванович Аносов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. – 80 с. – 16+.

Связь времён : стихи / Марк Давидович Сергеев ; художник Анатолий Иванович Аносов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1980. – 303 с. – 16+.

Случай в оленьих горах : [сборник стихов] / Марк Давидович Сергеев ; ил. В. Колесников]. – Новосибирск : Книжное издательство, 1959. – 32 с. : ил. – 16+.

Сибирь в моем сердце:
стихи Марка Сергеева о Сибири

Составитель *Т. Н. Шнак*
Редактор *С. А. Бурдинская*
Компьютерная вёрстка *К. О. Герасимчук*